

Малый театр в Ярославле: от революции к традиции

СТРОЛИ

Спектаклем «На всякого мудреца довольно простоты» на Волковской сцене в минувшее воскресенье завершились шестидневные гастроли Малого театра в Ярославле. Они были выстроены так, чтобы открыться современным и как будто традиционным «Горе от ума».

«ШЁЛ В КОМНАТУ, ПОПАЛ В ДРУГУЮ»...

Премьера «Горе от ума» Малого театра в Ярославле в 2000 году явилась чуть ли не революцией. Режиссёр и сценарист Николай Коляда и его художники новой волны, в том числе и сам Коляда, решили войти в него своим уставом. Он бережно относится к тексту бессмертной комедии, однако постановка не лишена определённого заряда протестности. Это был диалог режиссёра и сценариста с преобладающим академизмом, консерватизмом и ортодоксией Малого театра.

Не интерьер, а раздвижные декорации из гипсокартона. Нарочитая минимизация и аскетизм в декорации Александра Босского. Никакого гламура! Никаких старинных часов и хрустального перестановочного механизма. Когда на сцену переводит стрелки, в руках у неё – будильник. Никаких ковров, кринолинов, блеска и роскошества. Единственный декоративный объект – ставшая традицией круглая цилиндрическая печь.

Чацкий согреть руки, отойти к дверце, чтобы вдохнуть «дух Отечества». Чацкий – это Подгородинский – пораженный зрительный зал косноязычен. Зрители уже склонны думать, что актер плохо выучен и не знает стих. Но Подгородинский уверенно пробрасывает священные слова грибоедовских прологов, намеренно скрипит почти хрипит, впадает в скорую оборочку. Этот Чацкий мыслит прозаически. Он утратил в себе поэта. Потому что в мире не осталось гармонии. Он – одинокий и ненужный, чужой. И впрямь здесь «не ждана». Отсюда его «либертинская бравада».

Но и Софья – Ольга Молочко – «в строгом чине», с «лицом святейшей богомолки». Софья – своеобразная царевна-Несмеяна, такая же и её мать – Лизанька – Инна Иванова – тоже не смешливая. Обе статные и статуарные, и от этого спектакль многое теряет: ут-

рачивается жизнь живой души, диалоги становятся малоинтересными. Молчалин – Александр Вершинин – подлинный Тартюф на русской почве. Человек в Сером, почти монах, угодливо-смиранный и тихий, с его искусной игрой, имитацией смирения. Лихо и по-армейски точно сыгран Виктором Низовым Скалозуб, «настоящий полковник» и герой нашего времени.

Лишь только появившись, Фамусов – Юрий Соломин – взрывает зрительный зал, мгновенно и безоглядно захватывая его внимание. Живой, подвижный, как ртуть, с острым и цепко-оценивающим взглядом, это он – истинный остроумец, а вовсе не Чацкий. Он – спринтер и стайер, бегун на короткие и длинные дистанции, он мелькает как Фигаро, то тут, то там... «Вы, нынешние, нут-ка!» – кажется, задирает Юрий Соломин своих молодых партнеров по сцене. Его Фамусов искусен и опытен, плетет свои кружева, бьет афоризмами, бьет наотмашь, кружевным же платочком, как плетью! Брезгливо, сторонясь Чацкого, зажимает уши руками, и ничего не хочет слышать, хоть на мизинец... «В глушь! В Саратов!» – раскатисто и громко подобно пронесется по залу. – И Саратов видится, как ад, как тартарары.

Бал в доме Фамусова – пародийный паноптикум «людей и дел, и мнений». Метко и живописно схвачены князь Тугоуховский – Юрий Каюров, графини Хрюмины, бабушка и внучка – Зинаида Андреева и Алена Охлупина. Бал, однако, правит не Фамусов, а Хлестова – Людмила Полякова. Полякова сыграла Хлестову со страстью шекспировской героини. Именно Хлестова с ее мощной энергией и властолюбием – идеологический центр старой Москвы, этакая леди Макбет. Она виртуозно руководит, организует действия, сводит и разводит, сталкивает и интригует.

«Горе от ума» в постановке Женовача – пародийный, перевернутый сюжет «Возвращения блудного сына...». Чацкий – блудный сын своей несчаст-

ной Родины. В спектакле фактически нет столкновения Чацкого с фамусовским «обществом». Чацкий ускользает, прячется, скрывается от московской говорильни, от согладатаева, от липкости гостиных. И язвительные реплики, которые слышит Софья, рождаются в лихорадочном споре с самим собой... Авторский, человеческий голос в этом спектак-

ле V и Елены Харитоновой – Маргариты, игрой Ольги Пашковой – инфанты Изабеллы и Дмитрия Кознова – Бабьёки. В этом спектакле тоже был Человек в Сером – министр Гватинара, вновь блестяще сыгранный Александром Вершининым.

Вершинин на этих гастролях предстал во всех трёх спектаклях – и была таинственная

– тот самый Островский «с выходом», с презентацией Актера публике. Актеры смело общаются со зрительным залом. И звездный состав работает в слаженном ансамбле – Александр Потапов (Мамаев), Александр Вершинин (Глумов), Ирина Муравьева (Клеопатра Львовна), Борис Клюев (Крутицкий), Александр Крюков (Городулин), Лилия Юдина (Турсина), Ольга Чу-

глирующий пудовыми гириями. А его «цыганочка с выходом» – некий симбиоз венгерского чардаша, огненного жока и танца с саблями... На этом фоне Человек в Сером – Глумов – фигура загадочная. Герой или Тень героя?

Особенность нынешнего времени, нашего времени, что герой – не сбивчивый нескладуха Чацкий, а скользкий Молчалин или министр Гватемара, или Глумов?.. Глумову, как никому другому из героев Островского, присущ откровенный и бесстыдный цинизм. «Да, я подлец и прохвост, но признаюсь в том открыто, а значит, я лучше тех, которые стесняются в этом признаться».

Глумов – Вершинин – многоликий. В нем – деликатность, выдержанность, услужливость, трепетность, молодцоватость, воинская выправка, умение стоять на выдержку, щелкать каблуками даже в положении лежа. Но он еще и необыкновенно притягателен... В нем есть обаяние и соблазн. Островский современен в изображении этой всегдашней готовности к компромиссу, к предательству и подлости... разве сегодняшний человек не превращается в Глумова?

Жесткий гротеск сменяется изящной водевильностью, что совсем не противоречит поэтике Островского. В финале Глумов прыгает в зрительный зал. Его финальный монолог звучит везде – в проходах партера. в амфитеатре, во всем пространстве зрительного зала и обращен к этому залу. И зал не слушает, а внимает, боясь пропустить хоть слово... Над кем смеётесь? Над собой смеётесь!.. Но вот в чём соль. Глумов – творец легенд и их разрушитель, обманщик и жертва обмана. Глумов уходит из зала явным победителем, разве что не поёт «Гром победы раздавайся!» Он – победитель, потому что те, кто наверху, растеряны и уязвлены в самое сердце. Им уже остро не достаёт этого лицедея. «Ты теперь будешь нашим!» – эта фраза Крутицкого вскоре прозвучит снова. Глумов вскоре вернется.

Залог его успеха – в оценке публики. Нашей нынешней публики. Зал стонет от восторга, упиваясь не актером, а героем. Вот он, поэт-подлец на все времена. Подлец-мечтатель, подлец-фигаро, герой великой прохиндиады.

Маргарита ВАНЯШОВА.

Сцена из спектакля «Горе от ума». Юрий Соломин в роли Фамусова, Людмила Полякова в роли Хлестовой.

ле одан виолончели. Соло виолончели с ее скорбной, горькой и щемящей интонацией и есть тот желанный контрапункт, в котором обретаешь опору.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ И ЕГО ТЕНЬ

Зрителей, пришедших на «Тайны мадридского двора» Скриба, встречали уже не ширмы из гипсокартона, а величественные интерьеры готического замка. В декорациях, выстроенных Стенбергом в этом спектакле, в пору ставить Шекспира или «Марию Стюарт». Зал увлечен был мастерством интриги, здесь явлена была та театральная занимательность и увлекательность, что создает эффект театра в театре. Можно было вволю наслаждаться дуэтом Вячеслава Езепова – Кар-

логика восхождения его персонажей к некоей высшей точке. От Молчалина – через Гватинару – к Глумову в «Мудреце». Все ступени и измерения подлости и лицедейства.

В «Тайнах...» и в «Мудреце» зрители получили то, чего так ждали. Театр актерский, театр живой, театр-праздник. Малый театр всегда был Актерским (с большой буквы) театром. И в споре режиссерского и актерского побеждал актерский театр с его мощным силовым полем. В режиссуре Бейлиса, два спектакля которого увидели ярославцы, каждый выход героя – обставлен, каждый уход – пафосен в хорошем смысле слова, акцентирован и выигрышен.

В «Мудреце» Малого театра живет неожиданная эстрадность, что даже смущает некоторых зрителей-пуритан. Но это

ваева (Манефа). Текст не проглатывался, а произносился «с чувством, с толком, с расстановкой», становился неожиданно актуальным. Фразы из комедии «На всякого мудреца...» столь же афористичны, что и в «Горе от ума». Благо, что «Мудрецу» полтора века. Аплодисменты зала подтверждали неувядающую современность крылатых фраз: «Мы куда-то идем, куда-то ведут нас; но ни мы не знаем – куда, ни те, которые ведут нас. И чем все это кончится?..». «Перед начальником нужно производить легкое порхание, нечто среднее между галопом, маршем и обыкновенным шагом». «Будешь капиталистом, найдем тебе место видное, покойное. Нам такие люди нужны... а то молокососы одолевать начали».

В «Мудреце» необычный Крутицкий – Борис Клюев. Молодцеватый генерал, лихо жон-